

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗА ВАРВАРА В ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ¹

А.П. Романова, С.Н. Якушенков, О.С. Якушенкова

В статье анализируется метафорическое использование образа варвара в общественном дискурсе. По мнению авторов статьи, метафора варвара становится ключевой в переломные моменты, что прослеживается в русской поэзии начала XX в. Кроме негативных коннотаций, метафора варварства может иметь и положительную аксиологию.

This article examines the metaphorical use of the image of the barbarian in the public discourse. According to the authors of the article, the metaphor of the barbarian becomes a key to turning points, that is demonstrated with the help of Russian poetry of the early twentieth century. In addition to the negative connotation the metaphor of barbarism can have a positive axiology.

Ключевые слова: варвары, цивилизация, общественный дискурс, Чужой, Другой, этноцентризм, Китай, Россия.

Key words: barbarians, civilization, public discourse, Stranger, Other, ethnocentrism, China, Russia.

– Зачем народ на площади толпится?

– Все говорят, что варвары нагрянут.

– А почему сенат не заседает?

Или уже упразднены законы?

(К. Кавафис. В ожидании варваров [12, с. 39])

Вряд ли греческий поэт Константинос Кавафис, когда писал свое стихотворение, предполагал, что некоторые его строки в XXI в. обретут особый смысл. Толпа, собиравшаяся на Манежной площади в декабре 2010 г., также ждала «решения сената» и бурно протестовала против «варваров». Но если греки в стихотворении Кавафиса опасались прихода врага извне, то участники протестов на Манежной площади протестовали против «своих» Чужих. Убийство фаната «Спартака» Егора Свиридова породило мощную волну националистических действий, направленных против представителей народов Кавказа и Средней Азии. Интернет и пресса запестрели этнофолизмами, которыми участники беспорядков именовали представителей народов из вышеперечисленных регионов. Все эти pejоративные прозвища призваны были доказать, что это народы дикие, необразованные, склонные к криминалитету и т.д. Конечно, не обошлось без упоминания жидо-массонского заговора и стремления разрушить Россию и погубить русских. Наверное, излишне указывать, что русские в глазах участников беспорядков были людьми цивилизованными, призванными спасти страну от варваров, ее разрушающих. Таджики, узбеки и прочие выходцы из Средней Азии из чернорабочих и слуг превращались в варваров, которые, как некогда гунны или вандалы сплошным потоком захлестнули Европу и разрушили Римскую цивилизацию.

¹ Работа выполнена по гранту РГНФ 10-03-00643а «Чужой и культурная безопасность».

Россия оказалась не одинока в этом «противостоянии цивилизации и варварства». Современная Европа, пожалуй, еще больше ощутила на себе этот цивилизационный разлом. Массовые беспорядки захлестнули европейские города, на улицы которых вышли молодые африканцы и азиаты, чтобы доказать свое право быть услышанными, но забывая о том, что в своем порыве неистовства они вряд ли будут поняты. Все это дало многим повод заговорить о крахе политики мультикультурализма.

В благополучной и толерантной Европе, долго терпевшей нежелание иммигрантов инкорпорироваться в европейский социум, появились и такие отщепенцы, как Андерс Беринг Брейвик, которые, вооружившись автоматическим оружием, отправились в крестовый поход за спасение западной цивилизации. Как ни странно, у убийцы ни в чем не повинных детей нашлась масса сторонников во многих странах Европы, да и в нашей стране, где крестовый поход уже давно был объявлен националистами.

Имперская идеология, основанная на жестком противопоставлении одного народа другому, слишком глубоко засела в нашем сознании, что находит подтверждение в российском общественном дискурсе как на уровне восприятия данной проблемы простыми людьми, так и на уровне отношения к этнической проблеме политической элиты, ряд представителей которой уже давно взял на вооружение националистические лозунги. Достаточно в этой связи упомянуть предвыборные лозунги ЛДПР, возглавляемой В. Жириновским: «Русские, хватит молчать!», «Запретим высасывать соки из русских», «Русские, жестче взгляд» [10] и т.д.

Активно используя националистическую риторику в предвыборной борьбе, партийные идеологи ЛДПР делают ставку на национальную идею защиты русских от мигрантов. Мультикультурализм, с точки зрения ЛДПР, – опасная и даже вредная идеология: «Искусственное озверение человечества культивируется через СМИ, пропаганду мультикультуризма и педерастии. Кажется, уже ничто не может противостоять агрессивному Злу, объявившему войну человечеству» [9]. Конечно, сложно объяснить людям, ратующим за интересы русских, но плохо говорящим и пишущим по-русски и прибегающим в своих пропагандистских устремлениях к тем же самым СМИ, которые они так сильно клеймят, разницу между культуризмом и мультикультурализмом. Мультикультурализм, поставленный рядом с педерастией, должен вызвать гнев или ужас у читателя и предостеречь его от возможного скатывания в такой постыдный грех.

Чем же так пугает партию ЛДПР мультикультурализм? Он лишает партию возможности предвыборной риторики, основанной на апелляции к националистическим интересам определенной части населения. В обществе, основанном на плюрализме культур, нет возможности разделять людей на несколько сортов, в нем нет места варварам и цивилизованным¹. То, что этот предвыборный шаг не ошибка, а точный расчет, сомневаться не приходится. Жириновский – слишком опытный политик, и хорошо просчитывает все свои стратегические действия. Стратегически и тактически сегодня проще напугать обывателя, зая-

¹ Малахов В.: «Культурно плюралистическое ("мультикультурное") общество – это общество, в котором нет "господствующей культуры" (и в котором понятие "культура" не прикреплено к понятию "этнос"). Это общество, в котором индивидам предоставлена свобода выбирать, какие культурные образцы являются их "собственными"» [11, с. 60].

вив об угрозе со стороны мигрантов, чем объяснять ему специфику экономической платформы партии или ее социальные приоритеты.

Символика варвара или дикаря захлестнула наш общественный дискурс. К метафоре варварства постоянно прибегают политические, общественные и даже религиозные деятели. В этом плане, например, показательна сентенция главы РПЦ патриарха Кирилла, оценивавшего вклад святых Кирилла и Мефодия в просвещение славян в интервью телеканалу «Россия» 21 сентября 2010 г. «Но кто такие славяне?» – задавался вопросом патриарх и сам же на него отвечал: «Это варвары, люди, говорящие на непонятном языке, это люди второго сорта, это почти звери. И вот к ним пошли просвещенные мужи, принесли им свет Христовой истины и сделали что-то очень важное – они стали говорить с этими варварами на их языке, они создали славянскую азбуку, славянскую грамматику и перевели на этот язык Слово Божие» [7]. Конечно, патриарх никоим образом не хотел никого обидеть, он даже пояснял потом, что, наследуя традиции равноапостольных святых Кирилла и Мефодия, РПЦ ко всем народам относится одинаково, не делая различий.

Мы не оцениваем правомочность называть славян «варварами и людьми второго сорта, почти зверями», заметим только, что в риторике главы РПЦ нет ничего особенного, хотя такая позиция и вызывает некоторую озабоченность. Начиная от апостола Павла существует, с одной стороны, глубокий идеологический посыл, направленный на единство всех народов, но с другой, – декларирующий глубочайшую пропасть между христианами и нехристианами. В Послании Колоссянам (гл. 3) апостол Павел призывает сбросить с себя «ветхого человека с делами его» и облечься «в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» [14, гл. 3:9-11]. Эта же идея почти полностью повторяется и в «Послании к Галатам» апостола Павла: «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» [13, гл. 3:27-28].

Мощный призыв к отрицанию социального и этнического различия нацелен на создание новой дихотомии мира: между христианином и нехристианином, между «ветхим человеком» и «новым». Следом за апостолом Павлом об этом заявляет и св. Иоанн Златоуст: «Где благородство веры, там нет ни варвара, ни эллина, ни чужеземца, ни гражданина, но все стоят на одной степени чести» [8, беседа 2 (5)]. Здесь мы видим отказ от категории варварства, но лишь в узких рамках принятия веры в Спасителя. За пределами этой веры все остальные попадают в категорию «ветхого человека», то есть в язычников, которые подобны диким зверям.

Вне сомнения, эта модель раннего (но, как мы видим, и современного православия) христианства – всего лишь наследие «ветхого» мышления с его имперской идеологией, не вышедшей за рамки моноэтнических образований. Этничность и социальная принадлежность уничтожены, но жесткая дихотомия осталась, она не уничтожила неравенство, иерархию, напротив, она ее еще больше обострила.

Нет нужды пояснять, что лозунг большевиков «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» явился лишь калькой новозаветного лозунга «Нет ни Эллина, ни Иудея». Идеологический разлом прошел по линии «пролетарий / буржуй», а антагонизм между ними был столь силен, что неизбежно должен был привести к уничтожению одной из сторон, естественно, по мнению большевиков,

буржуазии. В этой борьбе нет места ни матери, ни отцу (вспомним Павлика Морозова), ни жене, ни мужу (любовь пролетариату чужда, есть только революционная целесообразность) [4, с. 224–255].

Коммунистическая пропаганда сделала все, чтобы создать новую историческую общность людей – советский народ. В чем-то это ей удалось, в чем-то она провалилась, об этом явственно свидетельствуют 90-е гг., когда хорошо отлаженная система пролетарского интернационализма в одночасье рухнула, погребенная многочисленными этническими конфликтами, разгоревшимися на постсоветском пространстве. Вряд ли это можно считать ошибкой именно коммунистической пропаганды, ведь все это произошло и в других странах бывшего социалистического лагеря. Вспомним хотя бы Югославию, которая могла бы посоперничать с бывшим СССР по количеству новых государств, на которые она распалась (6 независимых государств плюс Косово).

Нет ничего удивительного в том, что мы так неприятственно относимся ко всему чужому, будь то этническая составляющая, социальная или гендерная. Мы традиционно приписываем себе мессианскую функцию, мысленно окружая себя варварами. Конечно, в этом восприятии мира русскими есть еще и исторические предпосылки, имевшие место еще с раннего Средневековья и выражавшиеся в постоянном противостоянии славянских племен сначала тюркским кочевым племенам, а потом и монгольским. Если в ранний период князь Игорь Святославович порой и устраивал совместные с половцами военные кампании против других русских князей и даже браки своих детей с половцами, то в последующий период те же половцы и печенеги превращаются в «поганых», то есть нечистых (от лат. *paganus* – язычник, что, в свою очередь, восходит к понятию «сельский житель», от лат. *pagus* – округ).

Правда, эта традиционная этернизация «варварства» имела в России и другую сторону, которая ни в коей мере не умаляла значение варвара и даже превозносила его. Серебряный век русской культуры просто изобилует метафорами варвара, имеющего положительные коннотации: всем известно отождествление Александра Блока русских со скифами. Но еще раньше в отечественной литературе появляются стихотворения «Кочевники красоты» Вячеслава Иванова и «Грядущие гунны» Валерия Брюсова, причем стихотворение Брюсова тематически и, пожалуй, стилистически продолжало «Кочевников красоты» Иванова. Если стихотворение А. Блока было обращено к Западу, которому противостоит «новая Скифия», то стихотворные «манифесты» В. Иванова и В. Брюсова были своеобразными воззваниями к варварам:

И с вашего раздолья
Низриньтесь вихрем орд
На нивы подневоля,
Где раб упрягом горд.

Топчи их рай, Атилла, –
И новью пустоты
Взойдут твои светила,
Твоих степей цветы.

Вяч. Иванов. Кочевники красоты [6, с. 237]

Духовная свобода и вольность кочевников противопоставляются рабству цивилизации. Гунны, являясь носителями разрушительных сил, выступают в качестве не деструктивной, а созидательной силы:

Где вы, грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугунный
По еще не открытым Памирам.

На нас ордой опьянелой
Рухните с темных становий –
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.

В. Брюсов. Грядущие гунны [2, с. 278]

Как бы мы не интерпретировали метафору скифов-гуннов, ясно одно: варвары в данном случае не рассматривались как некая трагедия для России, напротив, оба поэта воспринимали кочевников в романтическом стиле, видя в них символы обновления, красоты и свободы. В этом эсхатологическом порыве перед варварами поставлена важнейшая мессианская задача разрушения старого мира и воссоздания мира нового, с новыми аксиологическими параметрами:

Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцов, как бывало,
Всколите веселое поле
На месте тронного зала.

Сложите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме, –
Вы во всем неповинны, как дети!

В. Брюсов. Грядущие гунны [2, с. 278]

Эта символика конструктивного разрушения, приписываемая варварам, с восторгом была встречена большевиками. Дихотомия старого и нового мира, России, ступающей в новый мир, и антагонистического Запада (технологичного, развитого, самодостаточного) легко угадывалась большевиками в стихах Вяч. Иванова, В. Брюсова и А. Блока. Поэты не пугали, но оптимистично предрекали начало новой эры. Рассуждая над эпитафией В. Брюсова «Топчи их рай, Атилла» (фраза взята им из стихотворения Вс. Иванова) к вышеупомянутому стихотворению «Грядущие гунны», Н. Бухарин заявляет: «"Атилла" здесь – псевдоним коммунизма; "рай" – буржуазный рай» [3, с. 377].

В образах варваров (гуннов, скифов и кочевников вообще), надвигающихся на Русь с Востока, мы видим своеобразную семантическую инверсию, свидетельствующую о своеобразном культурном разломе между традиционным христианским дискурсом, основанным на противопоставлении христиан и нехристиан, автоматически приписываемых к варварам, и новой культурной парадигмой, в которой этому варвару уготована созидательная миссия.

Правда, дальше этой пропагандистской риторики коммунисты не пошли. Апеллируя к авторам, подобным В. Брюсову, большевики рассматривали народы Средней Азии и Сибири с архаичных имперских позиций, то есть в них видели объект своих пропагандистских устремлений, аналогично тому, как

христианские миссионеры направлялись в страны Африки, Америки, Азии и т.д., чтобы донести до аборигенов (читай: дикарей = варваров) слово истины.

Идеология центризма (просвещенного, просветленного, духовного, идеологически правильного и т.д.) свидетельствует лишь о начальной стадии формирования самоидентификации, когда формирующейся нации, государству или политической силе приходится утверждаться во враждебном окружении. У некоторых это проходит, другие же остаются в этом состоянии навсегда. У князя Игоря не было причин отказываться от заключения брачного союза с половецкими князьями, так как половцы были Чужими, часто врагами, но иногда союзниками. Прошло какое-то время, и бывшие союзники превратились в нечистых поганых (язычников), а Москва через энное количество лет превратилась в «Новый Рим» с мессианской задачей спасти мир или, по меньшей мере, принести Свет другим народам.

Раннее христианство, формируясь как новое религиозное течение, остро нуждалось в самоидентификации. «Отрицающая» эллинизация, иудейство, скифство, варварство, оно автоматически формировало новую дихотомию.

Китай, формируясь как единое государство, нуждался в максимальной идентификации, в результате которой появилось понятие Чжунго – «среднего государства», расположенного, по мнению китайцев, якобы в середине. В рамках этой идеологии все другие народы оказывались на периферии и, значит, в разряде варваров [19, с. 133–135]. В этом противопоставлении только расположенные в сакральном центре могут быть признаны настоящими людьми, все остальные варвары приближаются к нелюдям, а часто и к диким животным, по крайней мере, так определил соседние с китайцами народы ди и жун Гуань Чжун (первый министр царства Ци в VII в. до н. э.): «Чужим народам жун и ди помогать не стоит, так как они собаки и волки» [21, с. 993].

Именно на основании этой доктрины все другие народы автоматически превращались либо в зверей, либо в злых духов или дьяволов. Когда европейские моряки впервые появились в XVI в. у берегов Китая, они автоматически получили прозвище «гуейло», или «заморские дьяволы» [20, с. 145]. В официальных же документах европейцев стабильно именовали «варварами». Лорд Джордж Макартней, возглавивший английскую дипломатическую миссию к цинскому двору, в 1793 г. получил статус «данника из английской страны», так как любой посол, прибывший к китайскому императору с подарками, рассматривался как принесший дань от вассального государства. О том, что англичане воспринимались китайцами как варвары, свидетельствует не только это их наименование, но и подчеркнутая декларация того, что Китай, будучи великой страной, ни в чем не нуждается: «Наша Небесная Империя владеет всем необходимым в достатке и не нуждается в чем-либо в пределах наших границ. Поэтому нет нужды импортировать варварские товары в обмен на наши. Но так как чай, шелк и фарфор крайне необходимы европейским нациям и вам, то мы разрешаем вам вывозить их через Кантон в небольшом количестве» [22, с. 50]. Финальные строки письма китайского императора к Георгу III еще больше подчеркивали, что европейцы для китайцев – всего лишь подвластные варвары: «Трепещи повинуйся и не выказывай небрежность!» [22, с. 50].

Время другое, но модель прежняя. Китаю не скоро удастся преодолеть этот «чжунгоцентризм», пока основные культурные парадигмы будут вращаться вокруг особой культурной «китайскости» [18, с. 456–459].

Японцы, впервые встретившие португальцев, восприняли их подобным образом, назвав их «намбандзин» («южные варвары»), хотя японцы хорошо понимали, что уровень португальцев, а позже голландцев или англичан очень высок. Иезуитские и францисканские миссионеры воспринимали японцев не лучшим образом.

Парадигма «цивилизация / варварство» при всей ее значимости в истории человечества, помимо констатации уровня развития того или иного народа, непременно упирается в аксиологические параметры, так как цивилизация будет иерархически более значима, чем варварство, выступающее синонимом деструкции. Это приводит к другой парадигме: «цивилизация / варварство» = «безопасность / опасность». Варвар, Иной, Чужой или вообще Другой оказывается постоянно потенциально опасным, от него необходимо избавиться любой ценой.

Китайцы на протяжении всей истории старались решить эту проблему. Не спасла даже Великая китайская стена. Варвары регулярно «наведывались» в Срединное государство, разоряя и даже покоряя его. Последняя Цинская («варварская») династия пала в 1911 г. в результате Синьхайской революции, просуществовав без малого три столетия. Выражаясь фигурально, варвары постоянно будут догонять, как бы быстро мы от них не убежали.

В противовес подобному центристскому подходу в русском общественном дискурсе начала XX в., нашедшем отражение в поэзии, обозначился иной подход, в котором варварам была отведена другая миссия. Здесь мы видим максимальную инверсию ценностей. Черты варваров, которые считались негативными, объявляются позитивными, содержащими конструктив. К ним взывают, их ждут, на них надеются:

Бесследно все сгибнет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном [2, с. 278].

Они остались внешней силой, но теперь они разрушительно-созидательны. Варвары оказываются носителями особой эстетики (кочевники красоты, дети «весен изумруда» и «вольных кочевий»), креативного посыла, способного обновить мир. Они продолжают угрожать миру извне, но теперь к ним взывают о помощи. Чужой извне теперь не враг, он надежда на перемены. Здесь почти ленинская формула: «Верхи не хотят, а низы не могут». Сложно понять, почему внешний враг вдруг оказывается надеждой на лучшее. Мы уже писали, что основная феноменологическая характеристика Чужого, по нашему мнению, скрывается в его угрозе нашим запасам. Мы боимся его потому, что он может прийти и уничтожить их [16, с. 189–195]. Варвар, как любой «Чужой», символически объедает нас. Будучи варваром, дикарем, он не обладает «цивилизованными» нормами еды, он панфаг, то есть поедает все, что даже нами игнорируется.

Так почему же так ждут и даже призывают Варваров В. Брюсов и Вяч. Иванов? Ответ напрашивается один: имманентная им ситуация в стране безнадежна для них, им нечего защищать, так как у них уже все отняли. Конечно, за мотивами варваров будет скрываться политика, но все же она вторична, так как вопрос власти слишком абстрактен, а перечисленные мотивы, точнее, инстинкты, изначальны.

При всей близости блоковских «Скифов» к вышеуказанным произведениям, в них есть существенное различие – говоря о диких, необузданных скифах, А. Блок подразумевает под ними не внешних Чужих, а своих, себя. Здесь мы также видим инверсивную идентификацию, но в рамках старой парадигмы «цивилизация / варварство» или, точнее, «варварство / цивилизация». Внешнее / внутреннее поменялись местами. Если в предыдущих случаях Варвар всегда был носителем внешнего, то теперь он находится в центре, но, как и в предыдущих случаях, его характерными чертами являются дикость, необузданность, необузданная жажда жизни, не останавливающаяся ни перед чем, доходящий до антропофагии («Мы любим плоть – и вкус ее, и цвет, / И душный, смертный плоти запах...»). Не обошел Блок стороной и вопрос «варвары / женщины»: «Привыкли мы... Ломать коням тяжелые крестцы / И усмирять рабынь строптивых...» [1, с. 295].

Интересен и вместе с тем типичен для российского дискурса подход Блока к Скифии-России как некоему центру. Этот центр не только сакральный, но еще и «географический», расположенный между двумя Чужими: цивилизацией Запада и еще большей дикостью / варварством Востока. С запада Европа, с востока – гунны. Их облик еще более ужасен – типичное для варваров пренебрежение к святыням и антропофагия: «...свирепый гунн / В карманах трупов будет шарить, / Жечь города, и в церковь гнать табун, / И мясо белых братьев жарить!...» [1, с. 296]. В отличие от стихотворений В. Брюсова и Вяч. Иванова, «Скифы» А. Блока – произведение, нацеленное на идентификацию, построенную на той же иерархии, в которой дихотомия «варварство / цивилизация» заменена триадой: цивилизация, варварство и цивилизация-варварство, представленное Скифией.

Как правило, сталкиваясь с Чужим, мы воспринимаем его с трех позиций: эволюционизм, релятивизм и универсализм [17, с. 87–93]. Практически все метафоры Варвара, проанализированные нами, строились на принципах эволюционизма. Релятивизм и универсализм являются в значительной мере порождением постиндустриального общества с ярко выраженной доминантой постмодернистской парадигмы культурного плюрализма. Марксизм-ленинизм, возникший на основе вульгарного эволюционизма, при всех его устремлениях к интернационализму, так и не смог воспитать в нас ни толерантности, ни плюрализма, хотя, как мы видим, российский поэтический дискурс в начале XX в. был представлен большим разнообразием моделей, чем современный. В своем стремлении к самоидентификации мы оказались отброшенными далеко назад.

Ну а что же варвары? К. Кавафис, со стихотворения которого мы начинали нашу статью, заканчивал его такими строками:

– Да ночь уже, а варваров не видно.
Сейчас гонцы вернулись от границы
И говорят, что в мире все спокойно, –
Нас покорять никто не собирался...
Как жить теперь? Какой придумать выход?
На варваров – одна была надежда! [12, с. 39]

После К. Кавафиса нам нечего добавить. Будем ждать нового прихода Варваров. Может, что-то изменится!

Список литературы

1. Блок А. Поэзия, драмы, проза / А. Блок. – М. : Olma Media Group, 2001.
2. Брюсов В. Стихотворения и поэмы / В. Брюсов. – М. : Советский писатель, 1961.
3. Бухарин Н. И. Ленин как марксист. Ленинизм и проблема культурной революции / Н. И. Бухарин. – Л., 1925.
4. Залкинд А. Б. Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата / А. Б. Залкинд // *Философия любви* : в 2 т. – М. : Политиздат, 1990. – Т. 2.
5. Звездинский М. «Поручик Голицын» / М. Звездинский. – Режим доступа: <http://www.zvezdinskiy.ru/txt25.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Иванов Вяч. «Кочевники красоты» / Вяч. Иванов // *Русская поэзия Серебряного века, 1890–1917* : антология. – М. : Наука, 1993.
7. Интервью патриарха РПЦ Кирилла телеканалу «Россия», 21.09.2010. – Режим доступа: <http://www.pravda-tv.ru/2010/12/02/5227>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Иоанн Златоуст Беседы на Послание к римлянам. Беседа 2.
9. Крах паразита. – Режим доступа: http://www.ldpr.ru/#ldpr_talks/analytics/The_collapse_of_the_parasite, 29.06.2011, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. ЛДПР. – 2011. – № 9 (256).
11. Малахов В. Зачем России мультикультурализм? / В. Малахов // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ* / под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. – М., 2002. – С. 48–60.
12. Мочос Я. Современная греческая литература / Я. Мочос. – М. : ИМЛИ, 1973.
13. Павел. Послание к Галатам. – Гл. 3. – Ст. 27–28.
14. Павел. Послание к Колоссянам. – Гл. 3. – Ст. 9–11.
15. Песни под гитару. Аккорды. Поручик Голицын // В нашу гавань заходили корабли. Поручик Голицын. – Режим доступа: <http://www.ngavan.ru/gan/a01/b91/c4340/d0101/ind.shtml>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
16. Романова А. П. «Гляжусь в тебя как в зеркало до головокружения» или протообразы тела Чужого в российском дискурсе / А. П. Романова, С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2011. – № 1 (26). – С. 189–195.
17. Хлыщёва Е. В. Мультикультурализм и проблемы толерантности в диалоге культур / Е. В. Хлыщёва // *Социально-гуманитарные знания*. – 2009. – № 12. – С. 87–93.
18. Якушенкова О. С. Концепт «Чужой» в китайской культуре / О. С. Якушенкова // *Приоритеты и интересы современного общества* : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – Астрахань, 2010. – С. 456–459.
19. Callahan W. A. China: the pessoptimist nation / W. A. Callahan. – Oxford University Press, 2010.
20. Lafayette De Mente B. The Chinese Have a Word for It: The Complete Guide to Chinese Thought and Culture / Lafayette De Mente B. – N.Y. : McGraw-Hill, 2000.
21. Loewe M. The Heritage left to the Empires / M. Loewe // *The Cambridge history of ancient China: from the origins of civilization to 221 B.C.* – Cambridge University Press, 1999.
22. Russell B. The Problem of China / B. Russell. – N.Y. : Cosimo, Inc., 2007.